

ГАВРИЛО

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ.

Державы Антанты разрешили Цанкову уличить свою армию.

К. 6246.

ЦАНКОВ. Весь я на двое делюсь, став у власти древа: справа весело смеюсь, но заплачу слева.

1934

В. У. С. П. С.

Учредитель
Полковник
А. И. Давидов

59 08

На дачу.

Все в городе грязно, зловонно,
А сердцу потребен покой.
И яро на дачное лоно
Спешит гражданин городской.

Там зелень, там радостей масса,
Там воздух так дивно хорош...
О, милая дачная касса,
На дачу билеты даешь!..

Уж грезятся прелести дачи,
Иной обетованный мир...
Не важно, что жаждет без сдачи
Билетик вам всучить кассир...

Хвост вьется и вправо и влево
Его описать я могу-ль?..

На „кепку“ прет толстое чрево,
На „чрево“ полез „рединкуль“.

За ним пара спецов в придачу
Судачат спокойно, не зло,
Что прежде—„лицом мы на дачу“,
А после—„лицом на село“.

За ними с прозрачною блузкой
„Жиры“ колыхнулись, дрожа,
Не видя, как занят разгрузкой
Мальчишка ее багажа.

Спешите!.. привет вам горячий,
И спец и толстяк и непач!..
Желаем вам дачной удачи
В решении дачных задач.

ЖГУТ.

Польские бомбы.

Пан Ламцадрицкий, начальник польской дефензивы сказал своему главному агенту:

— Ты, Янек, лайдак.

— Что так, пане?—удивился Янек.

— Ты вчера обыскивал квартиру этого клятого большевика Цукерника?

— Так пане, я его сделал большевиком по вашему приказанию.

— А что ты у него нашел?

— О, очень много, пане. Фунт табаку, коробку сардинок и письмо от самого пана Зиновьева, в котором пан Зиновьев приказывает пану Цукернику сделать переворот в Варшаве.

— Дурак ты, Янек. Кто теперь письмам Зиновьева верит, когда на каждом углу в каждой кофейне сотнями делают? Бомбу надо было найти, настоящую, чтобы взрывалась. Понял?

— Понял, пане. Бомба будет.

— Нашел, пане!

— Что?

— Бомбу. У самого Цукерника. Цукерник уже на том свете, дети в больнице.

— Дурак ты, Янек!

— За что, пане?

— А за то. Какой тебе большевик станет сам себя бомбой взрывать?

Бомба нужна в другом месте... Понял?

— Понял. Бомба будет в другом месте.

— Уже, пане... Здорово вышло!

— Что?

— Бомба... Взорвалась на славу.

— Где?

— В костеле. Пан ксендз по кусочкам отправился на небо...

— Осел ты, Янек!

— Почему, пане?

— С чего это вдруг большевик с бомбой в костел полезет? Ведь он безбожник, во-первых, а во-вторых, какая польза для революции от одного мертвого ксендза? Повыше надо бомбу поставить. Понял?

— Понял, пане. Будет бомба повыше.

— Ура, пане!

— Ну?

— Бомба! Грохот был на квартала...

— Где?

— У пана министра! Пан министр в больнице... А секретаря сейчас по кусочкам находят...

— Дурак ты, Янек.

— Ой, пане? Опять не так?

— Ты еще спрашиваешь? Что такое министр, в сравнении хотя бы со мной? Я его письма самолично каждый день просматриваю, а он даже шепотом боится. Мелочь и больше всего! Покрупнее надо, понял?

— Понял, пане. Будет покрупнее!

— Есть, пане!

— Что?

— Бомба.

— Где?

Никак не поймешь.

Германские меньшевики праздновали первое Мая под охраной полиции.

— Скажите, герр шуцман, почему это рабочие жалуются на голод, а в меня швыряют огурцы и прочие съестные продукты?

— Здесь, у вас под столом... Сейчас взорвется!

— Янек, ты осел!

— Что так, пане? Так вы же самый крупный!

— Янек, что ты наделал? Надо сейчас бежать отсюда... Янек, надо беж....

— Тр-р-р-рах!

Когда дым рассеялся, начальник лежал на полу рядом с Янеком. Открыл глаза, посмотрел на свои оторванные ноги и на вывороченные потроха Янека и прошептал слабым голосом:

— Молодец, Янек!

— Рад стараться, пане—прохрипел умирающий Янек...

Аника-Воин.

Знаменитый чемпион
При посредстве макарон
Маску мял завязато,
Но без результата.

Чемпион увы, не прост,
Хоть у маски сильный „мост“
Он прижимает с моста-то!
Вновь—без результата.

(см. ниже)

Дела духовные.

Среди священнослужителей
наблюдается массовое отречение
от сана с переменной профессией.

Из небесной канцелярии
Что-то чуда не видать.
Перестали пролетарии
Верить в божью благодать.
Перезвоны колокольные
Не манят уже, как встарь.
Лишь старушки богомольные
Пялят глазки на алтарь.

К нуждам церкви нуль внимания
И растет безверья пласт.
Добровольные даяния
Добровольно кто подаст?
„Тайны церкви“ власть советская
Расчехловила на ять...
Значит, надобно на светское—
„Облачение“ менять.
При подобной ненормальности
Совесь попика чиста:
Перемена специальности
Во спасенье живота.

Н. Т—ул

Ниагаров радиолюбитель.

Небезизвестный Ниагаров деловито
ворвался в мою комнату и отрывисто
бросил:

- Работает хорошо?
- Ч... чего... работает?
- Радио, говорю, хорошо работает?
- Совсем не работает,—застенчиво

сознался я.

— А что такое? — Встревожился
Ниагаров—антенны пошаливают? Или,
может, землю плохую для заземления
покупали?

Мне было совестно обманывать это-
го чистосердечного добряка.

— У меня вообще... Нет ради-
глухо прошептал я.

Ниагаров схватился за голову.

— Как?... У вас?... Вообще?...
Радио?... Да вы с ума сошли!
В таком случае я должен вам немед-
но его устроить. Не-мед-лен-но.

— Зачем... же... немедленно,—
дно улыбнулся я.

— Никаких возражений, им-
немедленно! Никаких отказов! Ни-
Тем более, что это так просто...
машинными средствами. Без особн-
трат идорого стоящих приспособлен-

В два счета. Раз-раз и готово. Клянусь, что через какихнибудь пол часа вы будете не сходя с места, наслаждаться большим академическим балетом. Впрочем—к делу. Не такой человек Ниагаров, чтобы зря языком болтать. Где у вас тут ближайший чердак?

У меня потемнело в глазах.

— Это что?

— Т... трубка телефонная.

— Телефонная? Это хорошо. А вот, мы ее сейчас. Чик-чик. И готово. Была телефонная трубка—и нету, так сказать телефонной трубки. Да вы не волнуйтесь. Чудак-человек, нельзя же чтоб радио и было вдруг без трубки. А это что?

— З... з... звонок электрический.

— Оч-чень хорошо. Отличная антенна. Где ножницы? Спокойно. Чик-чик: Готово. Мерси. А это что такое?

— Ф-ф-форточка.

— Гениально. А вот мы ее сейчас. Чик-чик. Дзынь—и ваших нет... Чудак-человек,—опять плачет. Чего, спрашивается? Ведь, нужно же куданибудь заземление всунуть? Холодно? Ерунда. Говорят на днях опять потешает. А это что у вас такое из бокового кармана торчит?

— Ч... ч... ч... часы... н...

Замечательно. А ну-ка давайте их сюда. Да не бойтесь, ничего ужасного не будет. Чик-чик. И готово. Я только

маленькую пружинку из них вытащил, а остальное можете носить себе на здоровье. Чудак-человек, не может же быть радио без детектора. А это что?

— Г...г...г...грамофон. Только, товарищ, он, очень... дорогой...

— Дорогой? Тем лучше. Виноват, одну минуточку. Где у вас молоток? Мерси. Чик-чик. И гото...

Через два часа я стоял на обломках своего семейного очага и, грозно потрясая над головой остатками дорогой пишущей машины, кричал Ниагарову:

— Негодай! Ты ввел меня в заблуждение обманчивыми перспективами дешевого радио. Ты разорил меня и мою семью. Впереди—мрак и нищета. Но я готов простить тебя, подлый Ниагаров, если услышу по твоему паршивому радио хоть один самый малюсенький звук. Хоть одно самое микроскопическое слово. Ну? Где же твое радио передача? Говори, гадина!

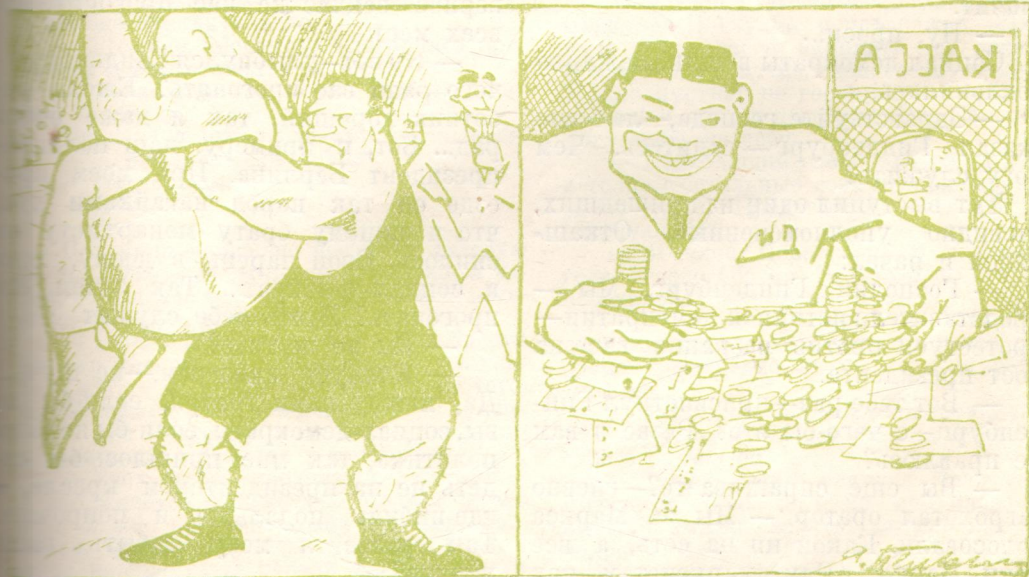
Ниагаров обидчиво заморгал глазами:

— Честное слово... вы меня прямо удивляете! Вы же понимаете, что я сделал все от меня зависящее. Как же можно что-нибудь услышать, если заземление плохое. Я же не виноват, что земля у вас под домом ни к чему...

Ниагаров не окончил своих гнусных оправданий.

Я искалечил его.

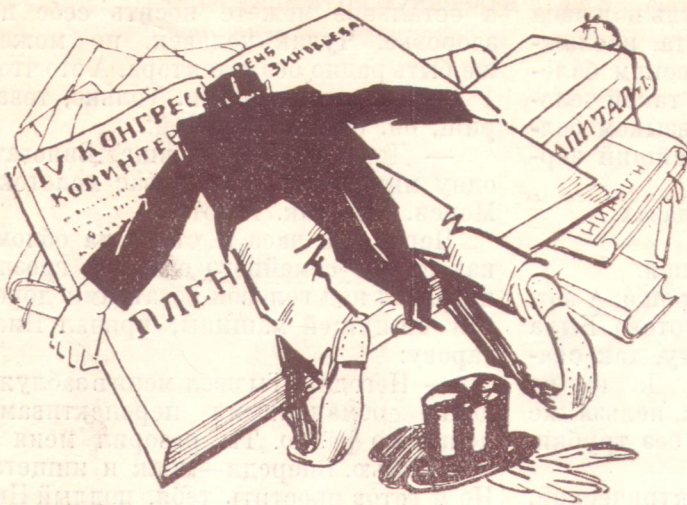
Вал. Катаев.

Обозлен тяжеловес...
Задний пояс на отвес
Близко от ноквота...
Все-ж без результата.

Но зато восторгов масса
В схватке злой хозяин—касса
Вышел настоящий
Результат блестящий.

В часы досуга.

Чемберлен.—Депутаты спрашивают, знаю-ли я постановления 4-го конгресса Коминтерна? И вот приходится срочно ликвидировать политнеграмотность.

Протестанты.

— Ваше высокопревосходительство, там пришли с протестом.

— Кто такие?—удивился Гинденбург.

— Которые социал-демократы...

— Ага, эти самые... А против чего же они протестуют?

— Не могу знать. А только—говорят—нам очень нужно видеть господина президента, чтобы протестовать, значит.

— Ну, проси...

Социал-демократы вошли. Вежливо поклонились.

— Здравствуйте, господа,—любезно сказал Гинденбург—садитесь. Чем могу служить?

Тут выступил один из пришедших, очевидно уполномоченный. Откашлялся и начал:

— Господин Гинденбург. Мы — представители истинной демократии—протестуем против избрания вас на пост президента.

— Вот тебе раз—присвистнул Гинденбург—с чего-бы это? Разве я вам не нравлюсь?

— Вы еще спрашиваете?—гневно загрохотал оратор. — Мы за Маркса голосовали. Какой ни на есть, а все таки Маркс... Нам, марксистам, как раз подходит. А вы вот взяли и выбрались... Нехорошо так... У нас республика... Это вам не баран начинал...

— Так при чем же я тут? удивился Гинденбург—я поступал согласно конституции, которую выработали вы же, господа! социал-демократы..

— Но вы монархист?

— Монархист.

— Как же вы, монархист, идете против своих убеждений в президенты? Что скажет об этом наш незабвен... наш бывший кайзер?

— Кайзер? Он меня поздравил. Очень рад за меня.

— Кайзер поздравил? Вы нас извините, но мы вам не верим... Чтобы наш дорог... наш кайзер приветствовал президента..

— Вот его телеграмма: „Поздравляю, обнимаю, прижимаю, приезжаю. Вильгельм“.

Эсдеки переглянулись.

— Гм... В самом деле, кайзер одобряет... А как он там поживает? Как его жена, детки?

— Ничего. Здоровы. Вам кланяются...

— Вот видите—укоризненно покачал головой делегат—кайзер и тот помнит наши заслуги... А вы вот, наверное сейчас же нас прогоните со всех мест.

— Ну вот—улыбнулся Гинденбург—чего ради вас прогонять? Ежели работник хороший, так я даже очень рад... Вот, к примеру, наш полицей-президент Берлина. При моемезде он так народ нагайками дуд, что и нашему брату монархисту снилось. Свой парень в доску, хотя и социал-демократ... Так зачем его прогонять? Пусть себе служит.

— Вы не шутите?

— Клянусь кайзером,—не шучу. Да, между нами говоря, если-бы вы, социал-демократы, если-бы не ваша политика, так мне пришлось-бы сидеть не на президентском кресле, а где-нибудь подальше и попрочнее. Так разве я могу забыть ваши услуги?

— А жалование не уменьшите?

— Если будете стараться, то еще набавлю...

— Ну тогда другое дело... Эх, ваше превосходительство, если-бы вы согласились.

— Что такое...

— Нет... Мы даже не смеем думать... Куда нам?

— А вы скажите. Может быть, это не так страшно...

— Если-бы вы согласились, ваше превосходительство, записаться в социал-демократы... Ведь, в сущности, какая разница?

— Гм... Я подумаю... Посовещуюсь с кайзером...

Когда „протестанты“ ушли, Гинденбург усмехнулся и подумал:

— С такими республиканцами еще жить можно.

Мартын Задека.

Как Ползухин кооперацию налаживал.

Однажды, проходя мимо церабкооповского магазина, Ползухин увидел на витрине плакат и остановился.

„Кооператив плох — сам плох“, — прочитал он, „Иди и налаживай его!“.

— Что-ж, это можно, — подумал Ползухин, — все равно делать сейчас не черта! — и нащупав в кармане членскую книжку, он, весело насвистывая, вошел в магазин.

— Что угодно? — обратился к нему приказчик.

— Мне угодно, — солидно протянул Ползухин, — посмотреть, как вы здесь торгуете и вообще наладить дело.

— Должно, инспектор, — догадался приказчик и приготовился слушать.

— У вас канифоль есть? — строго спросил Ползухин.

Приказчик пожал плечами: не имеется.

— А нюхательный табак?

— Не держим.

— Очки?

— Нет.

Ползухин энергично постучал ладонью по прилавку, как-бы прося внимания, а затем, обращаясь ко всем сотрудникам магазина, громко и веско сказал:

— Необходимо завтра-же приобрести все эти товары. Не принуждайте покупателя идти к частному торговцу. Кроме того, не сквалыжничайте; чем дешевле, тем лучше.

— Мы — Церабкооп, — робко вставил приказчик и переглянулся с кассиршей.

— Уксус тоже, — продолжал Ползухин. — У вас имеется только в бутылках, а его ведь можно продавать, как керосин, розливом. Это удвоило-бы продажу. Затем цены на продукты первой необходимости у вас потрясающие. Вы совершенно не считаетесь с потребностью пролетариата. Черная икра, например, два шестьдесят, бутылка лафита три сорок. Кошмар!

Игра слов.

— Чего это ты такой грустный?

— Да вот все мысли вертятся у дачи, и нет мне в этом удачи, никак не решу задачу, где взять плату за дачу.

— Гражданин, не задерживайте приказчика! — раздались недовольные голоса. — Нечего здесь дискуссию разводить. Видите, очередь!

— Я действую согласно плаката, — отмахнулся Ползухин и продолжал. — Далее: надо более всего напирать на рекламу. Но нужно, конечно, действовать умеючи. Можно пустить по городу осла, например, а на нем плакат повесить. Впрочем, я это могу взять на себя.

— Подходящий осел! — хихикнул кто-то в толпе, а остальные возмущенно загудели. — Безобразие! Прекратите болтовню! Где заведующий?!

— Я член Церабкоопа с двадцатого года! — гордо бросил Ползухин и, стараясь перекричать толпу, продолжал:

— Надо также торговать ночью. Это даст хороший доход, так как у вас в это время совершенно не будет конкурентов. Дальше...

К Ползухину подошел заведующий.

— Потрудитесь оставить помещение! — строго сказал он.

— То-есть как?! — вскипел Ползухин. — Я согласно плаката, а вы мне слова разные... Я можно сказать, налаживаю, а вы подрыв... Да я вас!.. да вы мне!..

Ночевал Ползухин в районе.

Сергей Чмелев.

— Нет, со мною, брат, не спорь ты.
Знаю дело я свое...
Что мне дачи и курорты?..
Мне и в городе житье.

Сяду с миной боевою
У окошка утром я...
Вьется трель над головою,
Словно трели соловья...

А внизу, как ветер с поля,
Принося волшебный сон,
«Ах ты доля, моя доля»
Завывает граммофон.

Вид какой!.. Душа балдеет!..
Что Венеция твоя!..
Нежной лентою белеет
Цепь соседского белья.

ГАВРИЛО НА ФИРОДЫ.

т, не спорь ты,

орты?..

ье.

оевою

м я...

ад голову,

оловья...

с поля,

й сон,

оля»

он.

ша балдеет!..

воя!..

о белеет

го белья.

взжит и кот мяучит,

рубы и дым и жар,

ску Дуняшу мучит

вньюми маляр...

бьябраньс мужицким матом,

как нежный запах роз,

шет вешним ароматом

аркомхозовский обоз!..

в трепещет, пыль вздымая,

хохот, крики, плач!..

рош в середине Мая

мой без всяких дач!

в грудь растет невольной,

песня всем ясна:

оно не будет больно,

прыгнуть из окна?..

ЖГУТ.

СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ.

Во время последней предвыборной кампании во Франции было много кровавых столкновений с большими жертвами.

- Что это избирателей не видно?
— Видите-ли, — голоса разделились поровну: часть в больнице, остальные на кладбище.

Мудреные слова.

В Одесском суде разбирается сложное и громоздкое дело о злоупотреблениях в сельзайм-кредите. Обвиняются многие видные банковские деятели.

Снял свидетель молчанья обет,
Презней тайны не видим мы флера...
Только слышно: кредит и дебет...
„Тратты“, „каско“ и „ностро и лоро“...
Много ловких прошло номеров,
Ноработали видно не скверно!
На суде—корешки ордеров,
А „вершки“ кто-то слопал наверно...

Посидишь там четыре часа, —
И глядишь как баран на аптеку! —
Да! Банкирских дельцов словеса
Как простому понять человеку?!

Кое-что, не совсем, не сполна
Все ж понятно и нашему брату:
Если „тратта“ для нас не ясна,
Мы зато опознали—растрату...

И, узнав про такие дела,
ЗаклЮчить нам, конечно, не тру...
Операция ссудной была,
А теперЬ оказалась—подсудной...

Диккий

Беговые размышления.

— Вот на эту кобылку могу смело поставить казенные деньги. Она, безусловно, придет первая, если не до старта, то до ДОПРА.

Цветет миндаль... *)

(Крымская картинка).

Каждый год, в одно и тоже почти время, север получает маленькую волнующую телеграммку:

„Крым. Цветет миндаль“.

И нет ничего удивительного в том, что какой-нибудь северянин, задушенный шубой и протопленной комнатой, раздражительный и угрюмый, воображает цветение этого тропического растения приблизительно так:

Жара—25 градусов в тени... Небо синее - синее... Море синее - синее... Берега утопают в зелени, а среди зелени цветет миндаль... Жители сидят под миндальными деревьями и, не в силах справиться с весенней радостью, посылают обездоленному северу телеграмму:

„Крым. Цветет миндаль“.

И для многих, очень для многих эта маленькая волнующая телеграмма остается недоступной мечтой, радостной весточкой из рая.

Для немногих цветение миндаля превращается в суровую действительность.

Вышедший из вагона северянин, похож на человека, мечтающего попасть в баню и попавшего в холодильник.

— Цветет миндаль? — спрашивает прибывший недоверчиво у носильщика.

— Бррр, — отвечает утвердительно носильщик, попрыгивая на холодном асфальте перрона.

— Странно... Очень странно, — думает прибывший. — Как будто он не от радости прыгает. Так, значит, цветет? А?

— Надели бы вы пальто, гражданин, — советует мрачно носильщик и недружелюбно смотрит на северянина.

Через полчаса северянин сидит в замызганном номере и жалуется коридорному.

— Протопить бы... Озяб я...

— Помилуйте, — извивается услужливый коридорный, — какая тут топка; миндаль цветет-с...

— Да цветет ли?

— Цветет.

— Сами видели?

— Никак нет. Ленинградец из № 17 ходил смотреть. Вчера по причине воспаления легких в больницу свезли. В вашей комнатке изволил жить. Есть у вас шуба?

— В Москве шуба осталась.

Коридорный вздыхает и молча выходит из номера.

Северянин ложится на кровать, укрывается тюфяком и пишет своему кровному врагу телеграмму:

„Крым. Цветет миндаль“.

И в душе у северянина шевелится заветная надежда.

А ну, как соблазнится, придет, пойдет смотреть, как цветет миндаль, простудится и умрет.

Дед Глаз.

*) Теперь уже миндаль отцвел. Скоро пришло миндальное масло.

Автор.

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ СТЫДЛИВОСТЬ.

Болгарские меньшевики, заявили, что они одобряют политику Цанкова, хотя принципиально против нее.

МЕНЬШЕВИК. Погодите, господин Цанков, пока я отвернусь, потому что я принципиально против.

Перед зеркалом.

„На селькоровских с'ездах редакторов упрекают за то, что заметки, посланные ими на расследование, попадают к разоблаченным и тогда следователи допрашивают самих себя перед зеркалом“. „Правда“ 26/III—1925 г.

Предсельсовета Белой Криницы Иван Голопуненко занимается в канцелярии разборкой почты. В глаза ему бросилась бумажка, отпечатанная на машинке, с таинственной надписью в углу „С. Секретно“.

„Редакция газеты „Смычка“ предлагает сельсовету села Белая Криница немедленно произвести расследование по поводу фактов, изложенных в корреспонденции селькора Чижика, приложенной при сем же, и о результате расследования срочно сообщить“.

Голопуненко чешет переносицу и принимается за чтение самой корреспонденции, написанной от руки демобилизованным красноармейцем Чижиком.

— А, это—сын Степана малоземельного, который остался без надела. Ах, сукин сын! Он туда же за людьми лезет. Ну, подожди же, покажу я тебе,—шепчет предсельсовет, расправляя бумагу. Затем он начинает разбирать по складам неровные строки:

„Горе—председатель“.

„Наш предсельсовета Голопуненко—друг кулаков и враг невозможных. Кого угощают кулаки яичницей с салом?—Голопуненко! Кому несут первый бутылку самогонки? Голопуненко! Кто за это скрывает самогонщиков? Председатель! Кто спасает конокрадов? Председатель! Но и он же садит в каталажку в революционные праздники невозможных.“

Геть с села предсельсовета Голопуненко!

Демобилизованный красноармеец Чижик“.

— И откуда только он все знает? Недавно вернулся со службы, а уже знает! Ах, шельмец!—шепчет председатель. Хорошо еще, что заметка попала ко мне, а не к комунибудь другому.

Голопуненко сосредоточенно думает над ответом, перебирает в памяти все события, освещенные в заметке, и наконец садится за бумагу. Он выводит буквы, сопит и выбирает канцелярские выражения:

„В редакцию газеты „Смычка“.

„Сельсовет Белой Криницы в ответ на ваше отношение за № 000, сообщает, что специальной комиссией было произведено всестороннее и полное обследование фактов, указанных неким Чижиком, демобилизованным красноармейцем. О результатах какого-то расследования и составлен настоящий акт.

Означенный Чижик оказался сыном кулака, ярого противника земельных мероприятий советской власти. Что касается самой корреспонденции, то таковая с начала до конца представляет собой наглую ложь контр-революционера.

Председатель Голопуненко является другом невозможных. Он сам следит за порядком в дни революционных праздников и не допускает пьянки. Самогону он не

пил сроду. Четверть, о которой говорится в заметке, есть ничто иное, как бутылка яда „Доброхима“ против сусликов. Яичниц нигде, кроме своего дома, председатель никогда не ел: Самогонщиков и конокрадов Голопуненко не скрывает, а сажит в каталажку. Из всего вышеизложенного явствует, что в корреспонденции Чижика содержится наглая клевета с целью дискредитирования и подрыва власти на местах.

В чем мы и расписуемся“.

Предсельсовета причмокивает губами и складывает бумагу вчетверо, чтоб при удобном случае дать на ней расписаться кому следует. При этом он шепчет:

— Ах, бисов сын, покажу ж я тебе!

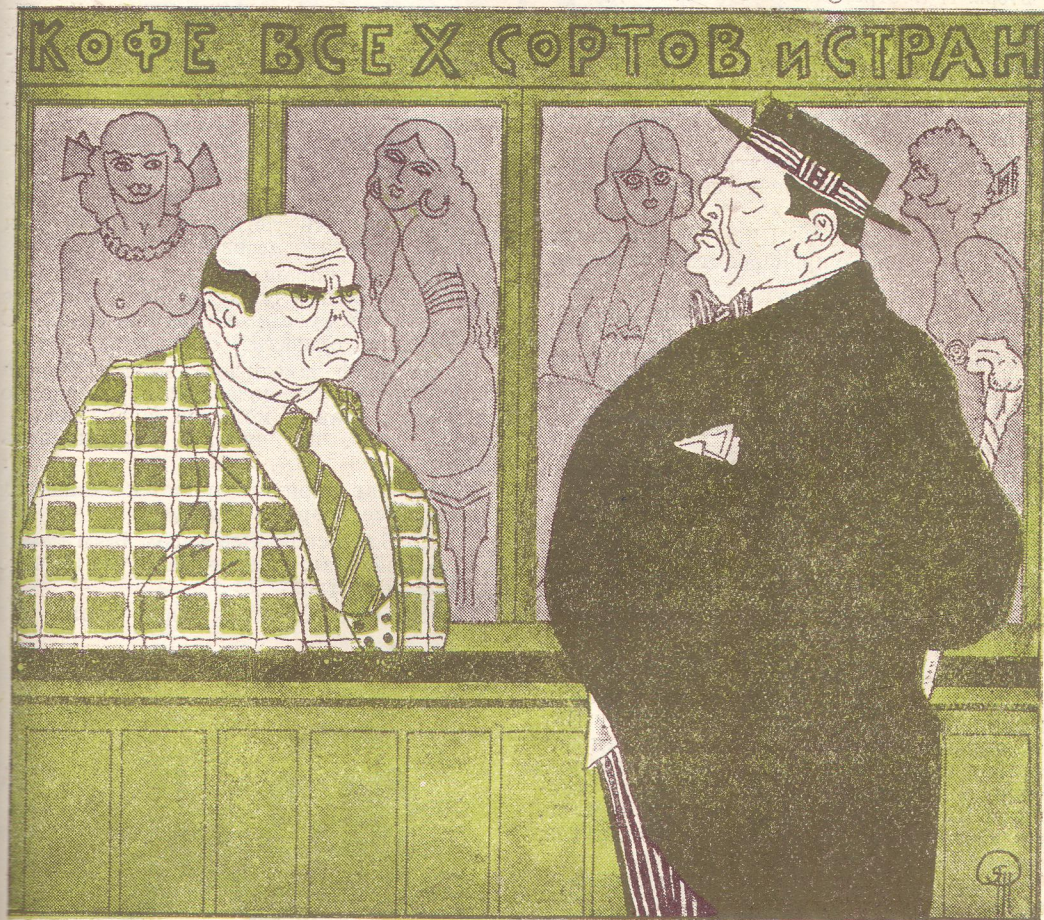
Заметка же красноармейца опускается в глубокий карман председателя „на всякий случай“.

А Чижик в это время мечтает у себя на дому о впечатлении, какое произведет на село его заметка в газете и шепчет:

— Правда засияет...

Владимир Симушенко.

В Бостоне (Америка) раскрыта, под видом продажи кофе, торговля женщинами.

Кофейные плантации по американски.

Из записной книжки завтруда.

Постановили: сообщить Должанскому мю ВСГ, что грубость и обругивание рабочих со стороны завтруда Матвеева были связаны с производством.

(Из проток. шахткома рудника им. Чичерина. Луганск).

Суббота. Производительность падает. А как ее, чорта, подыметь? Пойти посоветоваться с шахткомом...

Воскр. Внес предложение. Шахтком одобрил.

Понед. Обругал скотами, а кого и дермом кроме сволочи. Производительность чутьчку поднялась.

Вторн. По случаю дня собственного рождения, будучи при хорошем настроении, ни разу не обругал никого. Опять упала. Надо подтянуться!

Среда. Гамузом обложил шахтеров троекратным матом и еще! Помогло. Подтянулись ребята. То-то!

Суббота. Понемногу к мату привыкать стали. Производство страдает. Надо чегонибудь подействительней придумать.

Понед. Двинул сегодня одному по сопатке. Сморгаться вздумал во время работы. Результаты добычи выясняются.

Вторн. А пострадавший то к доктору пошел, а потом в шахтком—жалобу подавать. Мол, завтруд побил. А ежели для производства надо?

Четв. Непонятно мне. Как будто все по программе выполняю, а производительность без перемены. С чего бы это?

Пятн. На завтра в шахтком вызывают. Де-е-ла!... Ну, ладно, бог не выдаст, шахтком не съест.

Суббота. Так и есть. Шахтком признал, что все действия—с производством связаны. Есть еще правда!

Понед. Делу дан ход... Вот она, правда, Нет правды и справедливости нет... Эх! мать твою... На бумаге приходится душу отводить, елки-палки! Бумага бессловесная, жалобу не подаст. Не то, что лодыри эти. Через таких производство страдает и государство прямая угроза.

(Записки обрываются. Продолжение, по обыкновению, на суде).

Нашел Туз.

Дружеская переписка.

1.

Ваше величество!

Сообщаю вам радостную весть: я избран президентом германской республики! Вот уж никогда не думал, что на старости лет стану республиканцем! И знаете, кто особенно поддержал меня на выборах? Женщины. Не думайте только, ваше величество, что я стал бабником или что-либо другое; Ничего подобного. Мне уже 78 лет.

Моим серьезным противником был доктор Маркс, (не тот, что „капитал“ и с бородой, а другой, без бороды), но его с шиком провалили. Еще бы! Он так неодобрительно отзывался о вашем величестве.

Во всяком случае, если явится просить портфель, скажу, что все портфели в починке.

А может быть, ваше величество, наоборот сделать: заткнуть ему глотку портфелем и концы в воду? Как вы полагаете?

Привет супруге и деткам.

В ожидании дальнейших инструкций

Ваш президент Гинденбург.

P. S. А у нас весна; уже распускаются почки, кстати, не распустить-ли заодно и рейхстаг?

Г.

2.

Любезный друг!

Поверите-ли вы, что узнав о вашем высочайшем избрании, я—император германский, король прусский и прочая, и прочая, трижды прокричал: „Да здравствует республика!“, так что дети долго и громко смеялись. Нет, что-бы ни говорили, а наш старый добрый, немецкий бог еще не научился радовать своих помазанников. Гох, трижды гох вам—мой генерал!...

Что-же касается вашего конкурента, то не будьте к нему слишком строги; знайте, что не будь Марксов (без бороды, конечно) не быть вам и президентом. Поэтому—примите его (Маркса) ласково, подарите на память какую-нибудь вещьцу, клизму например; ему, как доктору, она пригодится, а кроме того, получится этаким красивым символом „чтобы работать у меня, надо очиститься от левых заблуждений“. Туманно, правда, но красиво.

Здесь-же можете сказать пару исторических фраз о твердой власти.

Впрочем, особенно, не болтайте, ибо глупость сказать легче, чем фразу для истории. Знаю это по своему опыту.

Далее вы спрашиваете: „Не дать-ли Марксу портфель в зубы?“ Дайте ему лучше портфелем по зубам, а в зубы—ни-ни! С рукой подлец отхватит. Знаю я их.

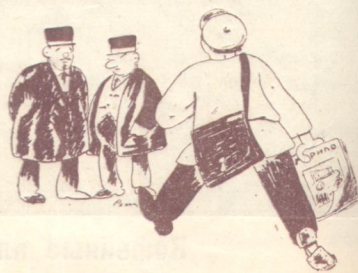
Вчера велел лакею достать из чулана корону и почистить мелом; осмотрел заодно и порфиру; правда, мошь ее повредила и мухи... того, но ничего, перелицевать можно.

Жена благодарит за привет и кланяется обратно. Все здоровы и ждут.

Благосклонный к вам Вильгельм.
P. S. Рейхстаг, конечно, распустите: чего ему зря болтаться?

Списал (без всякого удовольствия)

С. Чмелев.

Под гармошку, обо всем понемножку

Артемовское отделение Госбанка продало Красно-Лучскому рабкопу партию муки, в которой оказался песок и камни величиной в орех.

Астроном.

При завкоме т-ва „Хлебопек“ (Кремснчуг) имеется и библиотека. Но когда-бы рабочий ни пришел взять книгу, — всегда на дверях библиотеки замок.

К. А. Р-ский.

Понимать должны мы сами,
Что по воле злых судеб,
Кой-кому мука с камнями
Безусловно, верный хлеб.

Не ропщите!... Тише, тише!...
Объясню вам под шумок:
Коль ползут к книгам мыши,
То не страшен им замок.

Ж—т.

ПРИКАЗЫ ГАВРИЛЫ.

ПРИКАЗ № 37.

Оказывается на территории УССР еще не везде снято военное положение. Так, например, поселок Карачевка до сих пор наслаждается всеми прелестями военного времени, как сообщает тов. Комсомолец.

Во время гражданской войны заборы и доски тротуаров пошли на топливо и поселок оказался открытым. Теперь его огородили колючей проволокой. В ночное время, когда света нет, каждую минуту рискуешь изувечься или в лучшем случае изорвать костюм.

Настоящим приказом объявляю Карачевку на мирном положении. Рекомендую пождать пока кто либо из них, кому сие ведать надлежит, не напорется на провокационные заграждения, основательно испортив свой фарт. Тогда авось и провокационные заграждения снимут.

ПРИКАЗ № 38.

Наш гаврилкор тов. Броневой пишет нам жалобу, по своему мнению совершенно несостоятельную.

В отделении газеты „Вісти“ в Мариуполе, сотрудник отделения гр. Гоф просит всех посетителей говорить с ним по русски. Так как он украинского языка не понимает. Украинское издательство —

пишет т. Броневой — должно иметь сотрудников, знающих украинский язык.

А вы бы, товарищ Броневой поучили бы тов. Гофа украинскому языку. Пусть гр. Гоф начнет свое обучение с популярной песенки: „Гоф мой гречаники.“

ПРИКАЗ № 39.

Всякое полезное занятие поощряется. Например, такое. Сообщает нам т. Следопыт.

Служащие кооператива села Темрюк, Мариупольского округа после закрытия лавки собираются в конторе и решают задачи и шарады. Кто решит, тому фунт халвы. А завлашкой, как на часах, стоит с ключами, чтобы выдать премию выигравшему.

Ну что ж, пусть себе! Если уж так они любят шарады, могу предложить одну:

Первый мой слог состоит из двух букв „Д“ и „У“. Второй слог — то, что с клешнями, живые — черные, а вареные — красные. А целое — это темирюгские кооператоры.

ПРИКАЗ № 40.

Предусмотрительность хорошая вещь. Как сообщает тов. Гранатов.

В Бердянском райпотребсоюзе на заседании контрольного совета на вопрос: почему заготовлено так много соли (10 тысяч пуд.), которая лежит на складах,

правление ответило, что ввиду предполагающихся, по примеру прошлых лет, снежных заносов, солью запасались заблаговременно.

Я тоже предусмотрителен, хотя не забегаю так далеко.

Ввиду предполагающегося этим летом увольнения всех неудачных хозяйственников, рекомендую правлению Бердянского райпотребсоюза заблаговременно поискать себе другую должность.

ПРИКАЗ № 41.

Доброта человеческая предельно не ведает. Это доказал врач женской больницы на Сорокинской улице Добросельский, который

в ночь под 31-ое марта чуть не вытолкнул в шлюз из приемной привезенную больную П., находящуюся в тяжелом положении, ибо, как выразился доктор Добросельский, „денги даешь вперс“, иначе не примем, и вдобавок у вас еще луже работает.

Если у больной пульс работает, то у доктора Добросельского совесть, очевидно не работает. А в таком случае должна работать администрация больницы и попросить доктора Добросельского заняться другой профессией, ибо по его характеру лечение больных ему не к лицу.

ГАВРИЛО.

ВЪЕЗД НЕМЕЦКОГО ХРИСТА В БЕРЛИНСКИЙ ИЕРУСАЛИМ.

ВИЛЬГЕЛЬМ.—Мой добрый ослик, не споткнись на самом интересном месте. Помни, что ты везешь господина своего во царствие его.

Украдено № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б.)У. „Коммунист“, Зак. № 5070.

Тир. 10.000.

56327

[8-7 (05) (47714x), 1925'1].

Цена 20 коп.